

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
 » 2 мѣсяца 3 »
 » 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
 по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
 H. GEORG, Genève, rue de la
 Corratierie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15-ое МАРТА 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Толщете и отверзется. II. — 2) Гр. Пегръ Шуваловъ и петербургская инквизиція. — 3) Справка изъ недавно прошедшаго: адресъ владимірскихъ дворянъ 1860 г. — 4) Письмо студента-ветеринара по поводу харьковскихъ студенческихъ волнений. — Post Scriptum редакціи. — 5) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ, VI. 3. С. 6) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». II. Письма С. С. Громекъ къ А. И. Герцену. 1858—1861. — 7) Начало новаго соціально-политическаго движенія въ Венгріи, Slavus. — 8) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VIII. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи, Н. Жебунска. — 9) Земская хроника. I. Работа и препятствія по народному образованію, О. В. — 10) Извѣстія и замѣтки: Самоубійство Макова.

ЖЕНЕВА, 15 марта 1883.

Прошлый разъ мы старались доказать фактами, что реформы начала царствованія Александра II были даны вовсе не по одной только доброй волѣ императора, а особенно его правительства, но были въ значительной степени результатомъ общественной агитаціи и положительныхъ требованій, обращенныхъ къ правительству. Приводимый ниже, какъ справка, адресъ дворянъ Владимірской губерніи, поданный въ 1860 г., служитъ, надѣмся, документальнымъ доказательствомъ къ сказанному нами.

Но, пробѣжавъ этотъ адресъ, а равно и другія подобныя ему заявленія того времени, читатель вынесетъ еще и другое заключеніе, — а именно, что правительство царя-реформатора не дало и половины того, что еще въ 1858—60 гг. считалось тогдашними далеко не крайними людьми за minimumъ политическихъ потребностей. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ административная реформа, основы которой начертаны въ Влад. адресѣ? гдѣ отвѣтственность чиновниковъ передъ судомъ? Гдѣ подсудность обывателя Россіи только гласному суду, а не разнымъ варіациямъ III отдѣленія? гдѣ свободная печать? и т. д. и т. д. Сравнивая реформы, данныя правительствомъ Александра II, съ тѣмъ, что отъ него требовали даже дворянскія собранія въ 1858—1860 гг., мы видимъ, что правительство, т. е. царь и бюрократія, не только не дали всего нужнаго и желаннаго, но даже довольно ловко обошли общество, сдѣлавъ уступки по второстепеннымъ предметамъ, и въ то же время выигравъ въ главномъ, — въ сохраненіи и

даже развитіи своего самодержавія (повторяемъ, самодержавія столько же царскаго, сколько и чиновническаго), при чемъ названнымъ самодержцамъ удалось даже создать новыя преграды для развитія либеральной оппозиціи и на будущее время.

Это особенно слѣдуетъ сказать объ административной и земской реформахъ, какъ имѣющихъ наиболѣе политическаго характера. Преобразование уѣздной земской полиціи по наружности отняло у нея словесный дворянскій характеръ, но въ то же время вовсе устранило изъ нея выборное начало и земскій характеръ. Земскія учрежденія стали всесословными и получили постоянный исполнительный органъ, — управы, — но земскія собранія не только не получили должной независимости даже въ узкой сферѣ хозяйственной, — но по отношенію, напр., къ разсмотрѣнію смѣтъ земскихъ платежей и расходовъ, названныхъ государственными или обязательными, получили меньше правъ, чѣмъ имѣли ихъ прежнія собранія депутатовъ дворянскихъ и городскихъ, которымъ губернская власть должна была представлять на разсмотрѣніе всю роспись земскихъ сборовъ и расходовъ. — Правда, эта отчетность, равно какъ и соответственная отчетность по особымъ, чисто дворянскимъ сборамъ при Николаѣ I была только формальною и не могла не быть иномъ, при всѣхъ условіяхъ жизни того времени, — но когда общество пробудилось, то во многихъ губерніяхъ дворянскіе депутаты и собранія стали относиться къ своему праву на контроль употребленія земскихъ сборовъ серьезно*), и изъ этого отношенія могло выйти что либо болѣе широкое по компетенціи, чѣмъ земскія учрежденія по Положенію 1864 г. (Не трудно было бы доказать, что и старое городское Положеніе, при своей сословности, заключало въ себѣ зародыши лучшаго, чѣмъ узко-капиталистическое и ишолнѣ бюрократическое новое городское устройство 1870 г., еще болѣе далекое отъ дѣйствительнаго самоуправленія,

*) Примѣры указаны, между прочимъ, и по II т. «Матеріаловъ для истор. упр. и крѣпости. состоянія» и пр., кромѣ того иныиъ это самъ былъ свидѣлемъ опыта весьма серьезнаго пользованія депутатскимъ правомъ въ одномъ депутатскомъ собраніи на югѣ Россіи еще въ 1856 г.

чѣмъ земское устройство 1864 г.) Наконецъ, какъ это было уже указано недавно въ нашей газетѣ, новыя земскія, всесословныя, собранія не получили, по закону, даже такого права ходатайства передъ верховной властью, какое имѣютъ дворянскія собранія. А между тѣмъ учрежденіе всесословныхъ земскихъ собраній непременно отнимало авторитетъ у сословныхъ дворянскихъ собраній. Сознательно или бессознательно, но во всякомъ случаѣ петербургскіе самодержцы усадили оба сорта собраній въ заколдованный кругъ: когда дворяне, — лучшіе изъ которыхъ въ адресахъ и рѣчахъ 1858—1860 г. высказывались за слитіе дворянства съ остальными сословіями, — поднимали какой либо общій вопросъ, то правительство могло отвѣтить имъ (какъ оно и отвѣтило на петицію конституціоннаго характера, поданную московскимъ дворянскимъ собраніемъ), что молъ вы говорите за всѣ сословія, на что не имѣете права; — земскимъ же собраніямъ правительство отвѣчало, даже на болѣе скромныя петиціи, что молъ вы выходите изъ круга мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, единственно вамъ предоставленнаго.

Всѣ эти и другіе заколдованные круги, которыми бюрократія обставила созданное въ 1864 году земское представительство, — между прочимъ и тѣ, которые разбираются въ печатаемыхъ у насъ статьяхъ г. З. С., — развитые люди въ дворянствѣ и земствѣ понимали еще въ 60-ые годы. Но они сдѣлали капитальную ошибку тѣмъ, что громко не указали на нихъ въ собраніяхъ, и дворянскихъ, и земскихъ, и не продолжали агитаціи, начатой въ дворянскихъ собраніяхъ 1858—60 гг. И это случилось, какъ мы думаемъ, не только по всероссійской пассивности, не только потому, что введеніе земской реформы совпало съ оскудѣніемъ дворянства и съ отливомъ значительной части его изъ деревень и провинцій вообще, но и отъ неправильныхъ расчетовъ. Послѣ введенія земскихъ учреждений, лучшіе люди изъ дворянъ махнули рукою на дворянскія собранія, какъ отжившія учрежденія, — первые же земцы, въ среду которыхъ стали эти лучшіе люди, находили непрактичнымъ поднимать, такъ сказать, „ревизионистскую“ агитацію, — вопросъ о правахъ земскихъ

рия послѣднихъ десятилѣтій доказываетъ, что въ виду сколько нибудь систематическаго напора на правительство со стороны общественныхъ корпорацій, правительство не смѣетъ ни прибѣгать къ сильнымъ репрессіямъ, ни безусловно отвергать обращенія къ нему требованія. Такъ, напр., на помѣщаемый ниже Владимірскій адрессъ, который шелъ во главѣ цѣлаго ряда подобныхъ заявленій, правительство Александра II отвѣчало выраженіемъ „неудовольствія“, „выговоромъ“ губ. предводителю и „замѣчаніемъ“ предв. уѣзднымъ, — но не только ограничилось этими карами, но, скрѣпя свое неудовольствіе, все же сдѣлало часть реформъ, которыхъ у него требовали. На такую же дорогу стало подаваться правительство и въ послѣдній годъ царствованія Александра II, подъ напоромъ вновь проснувшейся агитации.

При Александрѣ III такая агитация еще не была испробована, — но что и его правительство далеко не нечувствительно къ ней, это показываетъ, напр., и то обстоятельство, что и Александръ III далеко не сразу рѣшился пойти противъ того теченія, какое обнаружилось въ послѣдніе годы правленія его отца, — и сначала сохранялъ Л. Меликовскія вѣянія, потомъ, даже послѣ изданія реакціоннаго манифеста, прибѣгалъ къ Игнатьевской комедіи съ свѣдущими людьми, и только тогда, когда эта комедія нѣсколько замутила общественное сознаніе и когда обнаружилось, что она не встрѣчаетъ себя дружнаго противудѣйствія въ представителяхъ общественныхъ корпорацій, рѣшился на открытую Толстовскую нѣтовщину. Неужели же земскіе люди, которые разрабатывали вопросы административной реформы, которые опытомъ убѣдились въ полной невозможности сколько нибудь правительнаго удовлетворенія нуждъ населенія, при господствѣ бюрократическаго произвола, — такъ и сложатъ руки передъ этой нѣтовщиной?!

Гр. Петръ Шуваловъ и петербургская инквизиція. Обращаемъ особое вниманіе читателей на одно изъ печатаемыхъ далѣе писемъ Громыки къ Герцену съ выдержкою изъ записки гр. Шувалова о томъ III отдѣленіи, въ которомъ онъ былъ потомъ шефомъ. Еще въ 1861 г. изъ среды самихъ служащихъ въ этой инквизиціи вышелъ голосъ, который заявилъ, что «тайный судъ тайной полиціи» есть позорное, несправедливое учрежденіе, несовмѣстимое съ правильными основами суда. И однакожь, такой судъ существуетъ въ Россіи до сихъ поръ въ разныхъ и въ нѣсколькихъ въ одно время видахъ, — и еще недавно распространился слухъ о томъ, что пылкій царь, по докладу одного изъ инквизиторовъ, генерала Оедорова, — написалъ пужнымъ не судить арестованныхъ въ послѣдній годъ политическихъ заподозрѣнныхъ, — а сослать ихъ прямо — на о. Сахалинъ. Чѣмъ это лучше Торквемады, которымъ пугалъ Александра II гр. Шуваловъ??

Справка изъ недавно прошедшаго. Теперь, когда передъ Россією стали вновь на очередь политическіе вопросы, поднятые, но не разрѣшенные въ началѣ прошлаго царствованія,

вдвойнѣ уместно будетъ напомнить одно изъ тогдашнихъ заявленій, которыхъ мы касаемся въ передовыхъ статьяхъ прошлаго и настоящаго номеровъ, — адрессъ владимірскихъ дворянъ, представленный царю въ январѣ 1860 г.

«Августѣйшій Монархъ!»

«Дворянство Владимірской губерніи, вполнѣ сочувствуя благотворнымъ видамъ Вашего Императорскаго Величества, и сознавая всю важность настоящаго времени, въ которое готовится столь великія преобразованія и Отечество наше возрождается къ новой жизни, не можетъ утаить своихъ душевныхъ убѣжденій, и осмѣливается изложить ихъ съ прямымъ чистосердечіемъ и полнымъ довѣріемъ къ Вашимъ благотѣльнымъ заботамъ о счастьи Вашего народа.

«Всемилюемый Государь! благоволите выслушать Вашихъ вѣрноподданныхъ:

«Вступая на путь вѣковыхъ преобразованій въ законодательствѣ, при измѣненіи быта многочисленнѣйшаго въ Государствѣ сословія, Отечество наше не имѣетъ достаточнаго обезпеченія въ строгомъ исполненіи закона. Вся администрація наша основана на бюрократическомъ началѣ, всѣ общества управляются людьми, чуждыми интересамъ тѣхъ обществъ, которыя при томъ, будучи раздѣлены на уединенныя другъ отъ друга сословія, при совершенной безгласности дѣлопроизводства и безответственности должностныхъ лицъ, не только не могутъ содѣйствовать Правительству къ достиженію его цѣлей, но даже не имѣютъ возможности нести и о собственныхъ своихъ мѣстныхъ пользахъ. Къ тому же, правильность дѣйствій должностныхъ лицъ и исполненіе ими законовъ ничѣмъ не обезпечены, потому что суды наши обязаны производить дѣла въ глубочайшей тайнѣ и руководствоваться при рѣшеніи ихъ только письменными изсѣдованіями исполнительныхъ властей и установленною регламентаціею доказательствъ, а не внушеніями совѣсти и собственнымъ убѣжденіемъ, совершенно зависятъ отъ произвола слѣдователей и ихъ начальствъ, а по этому не представляютъ никакихъ гарантій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Наконецъ, всѣ должностныя лица, въ случаѣ нарушенія своихъ законныхъ обязанностей, подлежатъ суду только тогда, когда это угодно ихъ административному начальству.

«Все вышеизложенное приводитъ къ заключенію, что исполненіе законовъ нашихъ зависитъ, болѣею частью, отъ личнаго произвола.

«До сихъ поръ подобный порядокъ могъ существовать, ибо страна, въ которой допускалось крѣпостное право на людей, не могла имѣть правильнаго понятія о законности, но съ уничтоженіемъ этого права, разумныя и единодушныя содѣйствія мѣстныхъ обществъ Правительственнымъ цѣлямъ и строгое исполненіе законовъ необходимы не только для успѣшнаго хода самой реформы, но и для осуществленія собственныхъ благотворныхъ цѣлей Вашего Императорскаго Величества, потому что освобожденные крестьяне, лишенные защиты помѣщика, при отсутствіи правосудія и ответственности должностныхъ лицъ, подвергнуты еще болѣе и невыносимой зависимости отъ произвола чиновниковъ, и черезъ то могутъ совсѣмъ потерять уваженіе къ дѣйствительной законности.

«Всемилюемый Государь! Дворянство считаетъ своею священнѣйшею обязанностию повергнуть на Всемилюемое возрѣніе Вашего Императорскаго Величества, что для мирнаго и благополучнаго схода предстоящей реформы и осуществленія Вашихъ благотѣльныхъ преднамѣреній, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, необходимо слѣдующее:

I) строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II) Управленіе общее для всѣхъ сословій.

III) Хозяйственно-распорядительное Управленіе для всѣхъ сословій и ответственное только передъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаютъ не администра-

тивную властью, но единственно правильною избраніемъ.

IV) Полицейское Управленіе, правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

V) Руководимое только закономъ, Гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI) Непосредственная ответственность всѣхъ и каждого передъ судомъ.

VII) Ответственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей, безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

VIII) Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и Государственнаго кредита. —

«На этихъ основаніяхъ Владимірское дворянство осмѣливается Всеподданнѣйше не просить предпологаемыя измѣненія, для всѣхъ сословій необходимыя при новой жизни Русскаго народа.

«Всемилюемый Государь! Вы первые пробудили въ народѣ Русскомъ эту жизнь! При величій души Вашей Вы поймете чувства вашихъ вѣрноподданныхъ.

«Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣемъ честь именовать Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ».

Этотъ адрессъ былъ принятъ 186 голосами противъ 34, подписанъ 144 дворянами и отправленъ въ собственныя руки государю. Болѣе или менѣе сходные адреса и рѣчи были представлены въ собраніяхъ: тверскомъ, ярославскомъ, нижегородскомъ, орловскомъ и с. петербургскомъ. Теперь сыновья авторовъ этихъ заявленій, а по мѣстамъ даже сами авторы сидятъ въ дворянскихъ и земскихъ собраніяхъ. Что же скажутъ они теперь новому царю въ его коронацію?

Письмо студента-ветеринара по поводу Харьковскихъ студенческихъ волненій *).

Только теперь, когда меня начинаютъ осажать роковые вопросы о томъ, куда направить свои стопы **), а это доказываетъ, что весь пылъ остылъ, страсти улеглись, я берусь изложить послѣдовательно и безъ увлеченія факты.

Студентъ медикъ I курса, нѣкій З—ръ (еврей), гуляя по Екатеринославской улицѣ сумерками, часу въ 6-мъ, со своимъ пріятелемъ, тоже студентомъ, встрѣтилъ одну дѣвушку и давалъ за ней ухаживать. Дѣвушка переходила на другую сторону улицы; — они за ней, заходятъ съ обѣихъ сторонъ, подходятъ къ ней и дѣлаютъ попытки цаловать ее. Дѣвушка обороняется и при этомъ довольно громко плачетъ. Это, вотъ, рассказывали другіе два студента, которымъ удалось спасти несчастную дѣвушку отъ рукъ этихъ россійскихъ Донъ-Жуановъ. Надъ З—омъ и его пріятелемъ (когого фамилія не обнаружилась) назначенъ былъ университетскій судъ, который на-завтра же и состоялся. На судѣ же этотъ субъектъ держалъ себя очень нагло, будучи (къ стыду сказать) поддерживаемъ очень многими студентами-юристами. Во время происходившей ссоры, по поводу суда надъ этимъ субъектомъ, начальство всячески старалось разогнать ее. Вольеръ (помощникъ инспектора) то и дѣлалъ, что пригласилъ студентовъ расходиться, что, наконецъ, было исполнено только послѣ того, когда этого З—ра приговорили къ удаленію изъ университета. Такое давленіе на сердца студентовъ. Понятно, что съ этого времени началось замѣтное броженіе. Вскорѣ затѣмъ разнеслись слухи о Казанской исторіи; — официально о нихъ ни слова. Слухи варьируются; наконецъ, узнаемъ, что тамъ была стычка между войсками и студента-

*) Намъ доставлено это письмо, не предназначенное къ печати и потому писанное небрежно, — но при этомъ искреннее и характерное. (Ред.)

**) Авторъ письма — посланный за участіемъ въ волненіяхъ.

ми, при чем 6 студентов убито и множество раненных*).

В это время в Ветеринарном институте случился казус, который рѣшил дѣло: умеръ одинъ изъ лучшихъ нашихъ студентовъ; парень дѣльный, хотя онъ былъ не особенно замѣтенъ, ибо держалъ себя нѣсколько въ сторонѣ; долго возился съ нуждой, долго возился съ начальствомъ, хлопоча о стипендіи, на что имѣлъ право, ибо хорошо занимался, но тщетно. Онъ получаетъ скоротечную чахотку и умираетъ. Кое-какъ сколотили мы нѣсколько рублей и купили ему гробъ; просили университета похоронить его, — получили, подъ приличнымъ предлогомъ, отказъ. Мы обратились къ настоятелю церкви, что на Сумской улицѣ; удовлетворили; и вотъ въ одинъ прекрасный день мы двигаемся по Сумской похоронной процессіи. Нашихъ было человекъ 200, да еще изъ университета 150, если не больше. Все это тихо, чинно: сами его несемъ, сами всякія принадлежности тащимъ. На постороннихъ это должно было произвести благоприятное для студентовъ впечатлѣніе; намъ же оно, нѣкоторымъ образомъ, доказало, что «студенчество» существуетъ и что напрасно начальство или, вѣрнѣе, правительство силится насъ разъединить. Пришли на кладбище, опустили гробъ, поплъ произнесъ нѣсколько молитвъ — и начались рѣчи, краснорѣчивыя, но пустыя — это говорили наши благопамѣренные ветеринары. Попъ и зѣваки уже разошлись, но мы еще не могли оторваться отъ этой свѣжей могилы товарища, многими изъ насъ любимого товарища — страдальца. У всѣхъ зашевелилось что-то въ душѣ, всѣ сознали, что онъ, нѣкоторымъ образомъ, былъ жертвой существующихъ нашихъ студенческихъ порядковъ. Цѣлымъ потокомъ рѣчей вылилось это и въ что наружу; по рѣчи эти совѣтъ другаго свойства, чѣмъ тѣ первыя! Одинъ изъ ораторовъ бросилъ всѣмъ въ лицо обвиненіе въ халатномъ отношеніи другъ къ другу, слѣдствіемъ чего была смерть товарища. Обвиненіе было отпарировано тѣмъ, что студенчеству нѣтъ возможности устраивать дѣла самопомощности, такъ какъ правительство тормозитъ всѣ начинанія студентовъ.

Все это привело насъ серьезно взяться за дѣло и вызвало предложеніе одного почтительнаго товарища протестомъ, что должно было рѣшиться на сходкѣ завтра же. Затѣмъ пошли пренія, на какой стоятъ почвъ: на обще-гражданской, — политической, или на чисто студенческой? Пренія приняли бурный характеръ. Забили, мы что находимся на похоронахъ товарища. Закончилось все возваніемъ одного: «господа, стойте на какой угодно почвѣ, но не молчите, а не то куры васъ заклюютъ!...» Разошлись.... Узнали потомъ, что арестовали 3-хъ, но, ничего не добившись, выпустили. 16 Ноября собираются у насъ и въ университетѣ сходки. У насъ сходка была многолюдная, и протестъ вырабатывался энергично; одно слово: протестовать «до положенія ризъ» и... явился инспекторъ; его попросили «настоятельно» (какъ онъ выразился въ опроверженіи, которое онъ выставилъ на дверяхъ института противъ слуха о томъ, что его будто бы выбросили изъ окна на улицу) удалиться. Послана была депутация въ университетъ узнать, что тамъ происходитъ, для того, чтобы установить солидарность. Депутаты возвращаются заныханные и объявляютъ, что университетъ оцѣненъ войскомъ. Тогда раздаются крики: «идемъ въ университетъ!»...

Толпа въ 300 съ лишнимъ человекъ скорымъ шагомъ стройно двинулась къ университету. Являемся на Соборную площадь дѣтлою пароду и войска кругомъ университета. Мы дружно прорываемся сквозь цѣпи и при крикахъ съ той и другой стороны: ура! соединились со студентами. Нѣсколько минутъ сидѣли войска удаленіи; мы также разошлись скоро послѣ удаленія солдатъ. На-завтра у насъ опять сходка,

опять энергично... — являются 5 ротъ солдатъ, 1½ сотни козакъ; насъ арестуютъ и ведутъ на Николаевскую улицу въ какія-то полицейскія казармы; перенесли и распустили. (Перенесенныхъ было всего 95 человекъ). Прямо изъ перенесеннаго пункта мы въ университетъ на сходку. Возлѣ университета опять войска, козакъ и народу — видимо-не-видимо. Полицеймейстеръ, взявъ съ собою около 50 десятскихъ и солдатъ, входитъ въ зданіе университета; онъ уже хочетъ войти на верхнюю площадку; тамъ ему путь преграждаетъ ректоръ и объявляетъ ему, что тутъ онъ начальник и не позволить ему ни шагу дальше сдѣлать etc. На споръ явился понечитель и, обратившись къ намъ, проситъ разойтись; съ нимъ вступаютъ въ пренія; наконецъ онъ уходитъ, сопровождаемый руганью, за нимъ полицеймейстеръ со своимъ штабомъ — и ему тоже поютъ отходную.

Черезъ нѣсколько времени и мы разошлись. На завтра у насъ въ Институтѣ опять сходка, но народу пришло очень мало, человекъ 70 — 80, поговорили и рѣшили разойтись, такъ какъ было мало народу, завтра же соберется въ болѣе массовыхъ количествѣ. Въ университетѣ болѣе ничего не было. На завтра Институтъ закрытъ, и дѣло, значитъ, прикончилось. Дальше слѣдуетъ судъ: начальство намерено судить своихъ преступниковъ. Результаты слѣдующіе:

14 человекъ (приговорены) къ высылкѣ на родину и чтобы въ Харьковѣ не возвращаться; 53 уволены до августа 1883 года, съ правомъ послѣ этого поступить въ Харьковѣ. Остальнымъ амнистія. Въ университетѣ все окончилось тихо; никого не арестовали.

Замѣчательно, что во время безпорядковъ на полицію напала панка: начали просто прятать дѣла; дежурили каждый день 3 сотни козакъ и 3 батальона солдатъ. Все это было бы непонятно, но оно объясняется тѣмъ, что рабочіе, во время прошлагоднихъ безпорядковъ, прислали намъ сказать, что «пусть гг. студенты зачинаютъ, а мы полицію пришибаемъ».

Затѣмъ, всѣ извѣщенія «Правительств. Вѣстника» суть подлѣя извращенія фактовъ или, лучше сказать, ложь.

Post-Scriptum редакціи «В. Слова». Безпечетное письмо это рисуетъ намъ ярко положеніе теперешнихъ студентовъ, которымъ даже уставъ 1863 года отказалъ въ правахъ товарищеской организаціи, которую правила о клубахъ и обществахъ даютъ даже приказанья. Мы не раздѣляемъ вѣры тѣхъ студентовъ, которые думаютъ, что корпоративныя права ихъ сами по себѣ могутъ предупредить случаи смерти товарища отъ нищеты, не раздѣляемъ уже потому, что своими глазами видѣли исчезновеніе по рукамъ студентовъ трехъ студенческихъ кассъ, заемщики которыхъ не считали себя обязанными отдавать своихъ займовъ. Эти случаи, а также равнодушіе бывшихъ студентовъ и части бывшихъ заемщиковъ и стипендіатовъ къ исполненію своихъ взносовъ кассъ общества пособія студентамъ, показываютъ, что классъ учащихся и учившихся въ университетахъ нуждается въ повышеніи его нравственнаго уровня, — о чемъ свидѣтельствуетъ и грустность, съ описанія которой начинается письмо ст. ветеринара. Но въ томъ то и дѣло, что корпоративная жизнь, при долговременномъ дѣйствіи, и могла бы служить здѣсь важною службою, не говори уже о томъ, что при корпоративной жизни описанные скандалы не могли бы служить поводомъ къ волненіямъ въ стѣнахъ школы. Корпорации съ ихъ товарищескими клубами, кассами взаимной помощи, литературно-научными обществами, развили бы въ молодежи истинныя порядочности и товарищества, культурные интересы и приближили бы, при соотвѣтственномъ воздѣйствіи профессорской корпораціи, — наши высшія школы къ идеалу *almae matris*, какъ ихъ зовутъ теперь только на парадныхъ объѣздахъ; тогда бы и связь окончившихъ студентовъ съ настоящими была бы живѣе и выражалась бы въ реальныхъ формахъ.

Ничего этого, конечно, не понимаютъ наши законодатели и администраторы, потому, между прочимъ, что они и не знаютъ, что такое

высшая школа — даже въ Россіи, а тѣмъ болѣе въ Зап. Европѣ. А вотъ, напр., извѣстный прусскій министръ Штейнъ не могъ себѣ представить университета безъ свободныхъ студенческихъ корпорацій, — такъ что, когда Метернихъ, по поводу убійства студ. Завандо Коцебу, придумывалъ противъ университетовъ мѣры (ангельскія въ сравненіи съ русскими), то этотъ государственный мужъ жаловался императору Александру I: «отнимаютъ у учителей и учениковъ свободу, которая необходима имъ для развитія характера и изслѣдованія истин!»

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

VI.

Таковы послѣдствія закона 21 ноября, который составляетъ одну изъ главныхъ причинъ бѣдности земства, а равно и земскихъ недоимокъ на прогрессивно бѣднѣющихъ крестьянахъ. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ накопленіи недоимокъ имѣетъ весьма серьезное значеніе также и безправіе земства въ дѣлѣ понужденія плательщиковъ и производства сборовъ чрезъ органы полиціи, совершенно не подчиненные земству. Всякое земское настояніе, въ этомъ случаѣ возможное только въ формѣ просьбы и жалобъ, сопряжено съ цѣлымъ рядомъ формальностей. Просьбы, обращенныя къ низшимъ органамъ, непосредственно занимающимся сборами, жалобы къ исправникамъ, наконецъ, къ губернаторамъ и ходатайства передъ высшей властью, — все это требуетъ времени, формальностей и усилъ всего этого зависить подчасъ отъ благопріятнаго положенія администраціи и полиціи, зависящихъ у которыхъ едва ли удобно всеословно выборному земству. Такимъ образомъ, съ одной стороны, ограниченность источниковъ доходовъ и бѣдность источниковъ, подлежащихъ обложенію, съ другой, трудность сбора налоговъ — вотъ условія финансовой жизни земствъ. Просматривая земскія ходатайства послѣднихъ лѣтъ и вообще вопросы, поднимаемые на земскихъ собраніяхъ, мы всею видимъ, что эти два обстоятельства — самыя большія мѣста земской дѣятельности. Земство лишено даже права взыскивать земскіе сборы и недоимки обыкновеннымъ гражданскимъ судебнымъ порядкомъ, доступнымъ частнымъ кредиторамъ относительно ихъ должниковъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ это единственный способъ полученія слѣдующихъ налоговъ. Полиція, которая въ настоящее время взыскиваетъ недоимки, еслибъ даже она и относилась, какъ слѣдуетъ, къ этому дѣлу, то имѣетъ и можетъ имѣть вліяніе и значеніе только у крестьянъ между тѣмъ изъ земскихъ отчетовъ мы видимъ, что громадные недоимки состоятъ изъ владѣльцами изъ привилегированныхъ классовъ. Если за крестьянствомъ накопилось чрезвычайныхъ недоимокъ, то это уже признакъ дѣйствительной бѣдности и неимѣнія средствъ платить, такъ какъ крестьянскіе исторически свѣсье съ обязанностью уплаты налоговъ и поэтому, кто изъ крестьянъ мало-мальскъ имѣетъ къ тому возможность, тотъ самъ неcessъ слѣдуемое. Помѣщики же недоимки пронесяютъ въ большинствѣ случаевъ не отъ неимѣнія средствъ, а нѣрѣдко отъ пристрастнаго нежеланія и уклоненія отъ платежей, которыя еще болѣе поощряются безправіемъ земства производить взысканіе судебнымъ порядкомъ. Да и сама казна поощряетъ частныя

*) Еще разъ отмѣчаемъ отвѣтственность, какаю падаетъ на министра внутреннихъ дѣлъ за запрещеніе газетамъ писать о студенческихъ волненіяхъ, безъ котораго не было бы и подобныхъ слуховъ, со всѣми ихъ послѣдствіями. (Ред.)